

Н. Н. Иванов

Своеобразие художественного языка в повести А. Платонова «Котлован»

В работе представлен опыт изучения художественного языка в повести А. Платонова «Котлован». Автор рассматривает значение мифологических и фольклорных ассоциаций, внешней и внутренней формы в раскрытии позиции писателя. Данная проблематика представлена в контексте исследования русской литературы 1920–1930 гг. Статья адресована исследователям русской литературы, учителям и студентам-филологам; способствует решению проблем гуманитарного образования, эстетического воспитания читателя, адекватному восприятию произведения литературы.

Ключевые слова: художественный текст (literary text), язык художественной литературы (fiction language), русская проза (Russian prose), А. Платонов (A. Platonov).

N. N. Ivanov

Originality of Art Language in A. Platonov's Story "Foundation Pit"

In this work there is presented the experience of studying the fiction language in A. Platonov's story "Foundation Pit". The author considers the importance of mythological and folklore associations, the external and internal form in disclosing of the writer's position. The given problematics is presented in a context of the research of the Russian literature in 1920–1930. The article is addressed to researchers of the Russian literature, teachers and student-philologists; it provides to solve problems of arts education, aesthetic education of the reader, adequate perception of a literary work.

Keywords: the art text (literary text), fiction language (fiction language), Russian prose (Russian prose), A. Platonov .

Идеи русского писателя Андрея Платонова противоречивы и порой запутанны; неоднозначное впечатление оставляют поэтика, стилистика, язык его книг. В данной работе мы пытаемся конкретизировать широкий литературный и культурно-исторический контекст повести «Котлован», комментируя ее символику и архетипы, микрообразность, внешнюю и внутреннюю форму.

М. Горький отмечал: «Человек вы – талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком ... Но, при неоспоримых достоинствах работы вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому мешает анархическое ваше умонастроение, видимо, свойственное природе вашего «духа». С. Залыгин противопоставил Платонова «людям с обычным языком и с обычными понятиями. Такого рода писатели ... уже при жизни из жизни выпадают» [7].

А. Платонов-идеалист полагал, что труд и «чудесные» машины соединят разобщенных людей, природу, историю, победят смерть, воплотят давнюю мечту человечества о земном рае, счастье, свободе. Однако «год великого перелома», борьба с церковью, культурная революция, репрессии – эти реалии «нового мира» заставили

его усомниться. В повести «Котлован» (начата в 1929, завершена в 1930, опубликована в 1987 г.) звучат разочарование и антиутопические мотивы, «преображенная» действительность стала объектом сатиры.

В повести «Котлован» инженер Прушевский «выдумал единственный общепролетарский дом вместо старого города, где и по сей час живут люди дворовым огороженным способом; через год весь местный пролетариат выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли» [6, с. 21].

Платонов художественно обобщил реалии 1920–30-х гг. Религию человекобожия усмотрел с. Н. Булгаков в делах российских революционеров [2], реанимировавших старинный соблазн России – идеи земного рая. Приоткрывая тайны, религия убеждает символами. Без «санкций» религии социальные проекты мертвы. Видимо, первые советские стройки давали на уровне сокровенных эмоций ощущения гармонии личности и государства, полноты и цели индивидуального бытия (их искал Вошев), подобные поэти-

ческому или религиозному экстазу. Башня непременно будет, и туда «войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли».

В духе философов Вернадского, Чижевского, Циолковского, цивилизаторских проектов фантастов Ж. Верна, Г. Уэллса, в контексте культуры русской и мировой разные по стилю, таланту современники Платонова развивали утопические мотивы «всесильного» мозга, трансформации «мертвой» природы в одухотворенную материю, человеку отводили роль господина земли, неба и воды. На этой волне во второй половине 1920-х гг. появились книги о неведомых цивилизациях и полетах в Космос, о подобных атлантам новых людях: «Аэлита» Алексея Толстого, «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия» А. Беляева, «Плутония», «Земля Санникова» В. Обручева и др.

Композиция, мотивы, система персонажей, символика, микрообразность – все компоненты внешней и внутренней формы повести «Котлован» воплощают авторский план. Текст наполнен аллюзиями, «чужим», но узнаваемым смыслом. Образы-лейтмотивы (дом, котлован, башня) явно спроецированы на иносказательные библейские сюжеты и архетипы: строительство людьми и разрушение Господом Вавилонской башни, Иерусалимский храм в сакральном центре Земли.

Емким внутренним смыслом обладают даже, на первый взгляд, нейтральные сцены повести. Так, по поручению активиста Чиклин в пустом храме раскуривал трубку от свечи (то же проделывал и царь Петр), беседовал с попом. Трубка – от беса, атрибут атеистической «этики». Но в действе Чиклина проступает и сакральное для коммунистов стремление: утвердить новые религиозные «святыни», низвергая старые, «освятить» новое религиозным огнем старой, испытанной веры. Некое ритуальное перенесение огня веры, дым табака вместо запаха благовоний. Храм пуст, и религия человекобожия, как определял ее с. Булгаков, звучит в реплике попа: «Я не чувствую больше прелести творения – я остался без Бога, а Бог без человека» [6, с. 75, 76]. Разрастаясь, котлован захватил овраг, понимавшийся в фольклоре как путь в преисподнюю. На дне котлована найдут «сто пустых гробов». Они появятся в гротескно-фантастической сцене, в сельсовете, где Чиклин будет поправлять в гробах тела Козлова и Сафронова. Могилой он станет и для девочки Насти. Тема смерти отзовется в пейзаже – в зловещей «вечерней желтой заре, похожей на свет погребения» [6, с. 67].

Раздумья персонажей о «веществе» жизни и «смысле существования», о теле и душе, о зарастающих животной шерстью людях ассоциируются с библейским преданием о сотворении Богом человека из праха земного. Сюжетные мотивы накладываются на мотивы мифа и фольклора: путь на небо (строительство башни), поиски чудесных даров, мотив дороги, странствий, судьбы. Судьба девочки-сиротки Насти заставляет обратиться к нетленному тезису Ф. М. Достоевского о неприятии всемирного счастья на слезе ребенка; большевики утверждают социалистический рай на смерти ребенка: новое (Настя), родившись из старого (мать Насти – «буржуйка» Юлия), захоронено в котловане. Реалии 20–30-х гг. оценены и на транслитературном уровне: полярное понимание крестьянского уклада, коллективизации Платоновым и Шолоховым, индустриализации – Платоновым и Маяковским, прогресса – Платоновым и Есениным.

Идея обреченности большевистского эксперимента подчеркнута композиционным обрамлением повести: сообщение об увольнении Вощева с механического завода в начале, смерть и захоронение Насти в финале. Действие и событийная канва в «Котловане» управляются не причинно-следственными связями, а скорее ассоциативно-метафорическими. Странствия Вощева апеллируют к мифологическим, сказочным мотивам вхождения человека в мир и его судьбе, странствий по земле, поисков истины и обретения чудесных даров. В фольклоре таким мотивам соответствовал определенный тип героя – искатель правды, «иноного царства», странник, божий человек. У Платонова это «сокровенный человек»: герой-бродяга, усомнившийся, почти юродивый. Таковы Филат из повести «Ямская слобода», «усомнившийся» Макар из одноименного рассказа, Фома Пухов в повести «Сокровенный человек», тот же Саша Дванов в романе «Чевенгур», а в «Котловане» – Воцев.

Писатель отправил Вощева в путь за правдой-истиной, смыслом и силой жизни, чтобы он встретил владеющих тем и другим редких людей, нашел себя в судьбах страны, народа, человечества, понял связь живого и мертвого, общился к великой тайне Бытия. Она связала бы для него сакральным смыслом все: семена и букашек в траве, людей, ход солнца и свет звезд. С другой стороны, глазами Вощева и с высоты его запросов автор оценил большевистские претензии на всемирный переворот. Осмыслил их еще и в контексте мировой культуры и подсказанных

ему русской философией и наукой (Чижевский, Вернадский, Циолковский, Федоров, Павлов, Вавилов) идей о труде и творческой энергии, о нескончаемости жизни, победе над смертью, о «завоевании» Вселенной, достижении высот Мироздания. Все это воплотилось в сложных раздумьях о «смысле существования», «веществе», «чувстве» жизни. И не без пересмотра убеждений, обострения внутренней драмы реализовалось в иронии над якобы всемогущей техникой, механикой.

Вощев и Платонов – ровесники века. «Котлован» начат в 1929 г., Вощев уволен с завода в «день тридцатилетия личной жизни» [6, с. 4]. 1929 – 30 = 1899 (дата рождения Платонова). Тридцатилетие – расцвет жизненных сил мужчины, но Вощев – слабосилен; его «задумчивость» и «слабосильность» не соответствуют «общему темпу труда». Вощев искал истину не в себе («Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка» [6, с. 6], а во внешнем мире, и небо над ним светило «вопрошающе ... мучительной силой звезд» [6, с. 5]. Дав поискам Вощева направление не внутреннее, но внешнее, Платонов, думается, полемизировал с предложенной Толстым линией нравственного развития человека – тезисом о Царстве Божии «внутри» нас.

Индивидуальность Вощева выразила его фамилия; известны две ее версии, от слов «воск» и «тщетность». Вощев – воск: легко деформируется, гибкий, мягкий, податливый, восприимчивый к воздействию со стороны. Он искренне верит внешним призывам (как и Платонов, Царство Божие оба искали вовне); «он уже был доволен и тем, что истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, значит, достаточно лишь быть около того человека, чтобы стать терпеливым к жизни и трудоспособным» [6, с. 13]. Существеннее, глубже для понимания образа Вощева другой оттенок значения фамилии: «во-тще», «тщетно». Такую типологию развивают этика, философия персонажа, который тщетно согласовывал внутреннее и внешнее, природу и людей, и экспрессия пейзажных деталей, авторские эмоции, лирико-романтические акценты, интонации письма. Они подтверждают горьковское суждение о «нежности» отношения Платонова к людям и распространенное в его адрес определение («грустный писатель»).

«Как заочно живущий, Вощев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали» [6, с. 10]. Видя вокруг «безответное сущест-

вование» [6, с. 7], он «устраняется в тишину безвестности, как тщетная попытка жизни добиться своей цели» [6, с. 9]. «Скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я» [6, с. 5]. Посмотрим на эту самооценку с философских позиций биодицеи (оправдание жизни одним биологическим началом, жить – чтобы жить), в отличие от теодицеи: живя, человек обязан раскрыть свою божескую сущность. В отдельных мистических учениях разница человека и животных (комара, собаки) состоит в том, что животному все дано от рождения, а человек должен все познать сам. Выходит, Вощев, как собака, лишен способности к развитию изначально. «Лучше б я комаром родился ...» [6, с. 36], – так подкрепляет он эту линию раздумий о себе; а так говорит о нем автор, усилив через сравнение идею ненужности, бесприютности «сокровенного человека»: «Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле» [6, с. 7]. Подчеркнем – лист лежал рядом с головою, священной сущностью человека. Все характеристики листа метонимически, метафорически и символически переносятся на обладателя головы – Вощева. Лист он подобрал и спрятал, «он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности» [6, с. 7], позднее они станут игрушками для Насти, которая сама найдет «смирение в земле».

«Очень своеобразный язык» Платонова (Горький) передал философию тщетности: «Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая» [6, с. 7]. И еще выделим: «На выкошенном пустыре пахло *умершей травой* и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась *общая грусть жизни и тоска тщетности*. Вощеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть *истину из земного праха; обездоленный*, Вощев согласен был и не иметь *смысла существования*, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека», – и чтобы находиться вблизи того человека, *бессмысленно-стью*» [6, с. 15]. Вощев, не имея прошлого, культуры, традиций, существует среди людей и природы, будто только что создан, как Адам, которого Творец «забыл» наделить истиной и веществом существования, оставил на полпути между комаром, собакой и человеком. В деревне Вощев «вошел в среду людей»: «Здравствуйте! – сказал он колхозу, обрадовавшись. – Вы стали теперь, как я, я тоже ничто» [6, с. 83].

Если Вошев развивает типологию потерявшего истину «сокровенного человека», то образ интеллигента Прушевского аллегорически обобщает судьбы русской интеллигенции и ее потенции влиять на мир. Прушевский и, как ни странно, Чиклин имеют прошлое. В прошлом у Прушевского были мать, любовь и Христос; оно раскрывает чуткую душу инженера и объясняет его слабости. В детстве ему «было тоскливо и задумчиво» [6, с. 19], он «плакал, перечитывая открытку сестры» [6, с. 53]. Прушевскому, умному и душевному интеллигенту чеховского типа, посвящены самые лиричные страницы повести. Он и живет во «флигеле во фруктовом саду» [6, с. 22]. Чеховские ассоциации подспудно рождают аналогии о бескрылой русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., после 1917 г. вовсе бесполезной.

Интеллигенты Чехова читали, мечтали; истину, гармонию они искали на страницах книг, в спорах, любви, но не в храме. Благие намерения просвещенного, но заблуждавшегося интеллигента, не способного понять целостность мира как тайну Божьего творения, сошлись в масштабе его притязаний. Инженер, «не старый, но седой от счета природы человек». Его «внимательный и воображающий» ум, «ощущающий ум», «самодействующий разум» поражен «стеснением сознания», испытал «конец дальнейшему понятию жизни» [6, с. 22]. На такой изошренной, но механической основе будет возведен «монументальный новый дом». Скажем иначе: у истоков социализма – старые, бесплодные идеи.

Прушевский бессилён соединить человека и материю, одухотворить природу. «Весь мир он представлял мертвым телом» [6, с. 16]. Этот обуреваемый сомнениями ум не созидает, а расчленяет естество жизни. Идеи инженера претворяет Никита Чиклин, «бесцельный мученик» [6, с. 26], «старший» в артели землекопов: «упраздняя старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять» [6, с. 16]; «не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом» [6, с. 20], «громил ломом плиту самородного камня» [6, с. 24]. Оба – из прошлого, более того, оба любили Юлию, мать Насти, и, допуская, девочка – дочь одного из них.

«Маленькая каменистая голова» [6, с. 33] Чиклина одна «во всем теле» не могла «чувствовать», поэтому о себе он говорил (как и Вошев): «Я же – ничто!» [6, с. 48]. Через имя (Никита) Платонов ассоциировал землекопа с былинным Никитой Кожемякой, которого мать-земля наде-

лила огромной силой. Истоки и направление силы Чиклина иные. Его силе и жизни «некуда было деваться», если прекращался «исход ее в землю» [6, с. 25]. Сила Чиклина разрушительная, смертная. Он – землекоп, «грунтовый труд был его лучшей профессией» [6, с. 16]. На символическом уровне землекоп – гробовщик; Платонов эту символику развил: в котловане найдены гробы, два Никита забрал для девочки Насти (дочери?): в одном «сделал ей постель на будущее время», другой – для «детского хозяйства», ее «красного уголка» [6, с. 54]. Оценим экспрессию параллелей: гроб – «постель на будущее время», гроб – красный уголок. В финале повести Настя умрет, а Чиклин действительно сделал ей постель на будущее время, «выдолбил в вечном камне» «гробовое ложе» с крышкой – гранитной плитой, защищавшей от земного праха. Над ней вознесется башня, спроектированная Прушевским (отцом?).

Миссия Чиклина – гробовщик и разрушитель, но лиричны, печальны и грустны воспоминания Никиты о прошлом, о «солнце детства», когда жизнь «была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами» [6, с. 42]. Теперь рядом с «потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами» (сказочные символы: очаг, хлеб, мировое древо, райский сад) он дышит «воздухом ветхости и прощальной памяти» [6, с. 42]. Пролетариат, «нынешний царь» [6, с. 43], он разрушает землю детства лопатой и ломом. Из соотносительности детства и настоящего вырастает образ времени, бессмысленности жизни Чиклина.

Добываема ли истина «из праха земного», тело – вместилище души, а человек – храм для духа? Материальны или духовны «сущность жизни», «вещество существования»? Читатель вместе с Платоновым вслед за Чижевским, Вернадским, Н. Федоровым решает проблему: удастся ли в творческом труде преобразовать материальную составляющую жизни в духовную энергию?

«Многие традиционные учения предлагают идею человеческого тела как Храма, созданного Божественным архитектором для духа. В нем восстанавливается теоморфный принцип человека» [8, с. 51]. Восстановят ли новые архитекторы теоморфный принцип (богоподобие) человека? Не профанируется ли идея башни-храма строителями социализма? Преобразует ли Прушевский мертвое в живое? Прушевский мог «предвидеть» «произведение статической механики», но «не мог предчувствовать устройство души поселен-

цев общего дома», не мог «вообразить жителей будущей башни», «какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?» [6, с. 21].

В «Котловане» реализована установка Платонова: «Большие – только предтеча, а дети – спасители вселенной». В начале повести на глаза Вошеву попался «осмысленный ребенок» в доме шоссевого надзирателя (дорога – символ судьбы), ему, а не взрослым, которые «сущности не чувствуют», Вошев собирался поведать «тайну жизни». Как? «Напрячь свою душу, не жалеть тела на работу ума» [6, с. 7], тем самым и состоялся бы переход физического в духовное. Этот ребенок родился, чтобы «весь свет ... окончить» [6, с. 7]. Будущий Чиклин?

Символична роль девочки-сиротки Насти, взятой в барак, чтобы, как установил Сафронов, от ее «мелодичного вида ... более согласованно жить», чтобы иметь «в форме детства лидера будущего пролетарского света» [6, с. 41]. Уста Насти излагают чудовищную и смехотворную суть большевистских лозунгов-догм, с другой стороны, они уродуют ребенка. «Умирать должны одни буржуи, а бедные нет» [6, с. 55]. Или ее версия линии ликвидации кулачества как класса: «Это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало» [6, с. 56]. Но девочка лишь для обитателей барака – сирота. Она все более тянется к своей матери, буржуйке Юлии. «Только одна я буду жить и помнить тебя в своей голове» [6, с. 45]. Она «все более походила на мать» [6, с. 105]; «Неси меня к маме», – просит Настя Чиклина.

В тексте упоминается, что Мартыныч – не родной отец Насти; Мартыныч «был пролетарский» [6, с. 48]. Догадываемся, что она дочь либо Чиклина, либо Прушевского – они ее «предтечи» – и буржуйки Юлии. Новое родилось из старого и загублено, похоронено теоретиками и гробовщиками. Время не созрело в свежем теле, вселенная не спасется.

Настя – Анастасия – Воскресшая. Не выросла, не стала Анастасией, не воскресла. Ее похоронил Чиклин (отец?) в котловане, основании для «монументального нового дома»: социализм на могиле. Тщетна «истина всемирного происхождения» [6, с. 113], полученная ценой смерти Насти. Смысл притчеобразной повести А. Платонова еще предстоит раскрывать.

Библиографический список

1. Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии [Текст]. – М., 1994.
2. Булгаков, С. Н. Религия человекобожия в русской революции [Текст] / С. Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10.
3. Вечное солнце. Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / сост. С. Калмыков. – М., 1979.
4. Корниенко, Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) [Текст] / Н. В. Корниенко. – М., 1993.
5. Малыгина, Н. М. Художественный мир Андрея Платонова [Текст] / Н. М. Малыгина. – М., 1995.
6. Платонов, А. А. Котлован; Ювенильное море: Повести [Текст] / А. А. Платонов. – М., 1987.
7. В. Чалмаев «Творческий путь и художественное новаторство Андрея Платонова» [Текст] // Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе. Ч. 2. / сост. Е. П. Пронина. – М., 1996.
8. Энциклопедия символов, знаков, эмблем [Текст]. – М., 1999.